

# **Великие религии Востока**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 304  
ББК 60.5  
В27

В27 Великие религии Востока / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 488 с.

**ISBN 978-5-4241-6531-3**

Великие религии Востока

**ISBN 978-5-4241-6531-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



мы видимъ? На родинѣ Будды, въ Индіи, если не считать Цейлона, теперь нѣтъ ни одного послѣдователя его ученія: оно исчезло, уступивъ мѣсто не какимъ-нибудь болѣе возвышеннымъ и лучшимъ ученіямъ, но разложившись на массу самыхъ дивныхъ и нелѣпыхъ сектъ. Въ Тибетѣ, на Цейлонѣ, въ Китаѣ и Японіи, правда, еще миллионы народу называютъ себя послѣдователями Сакія-Муни. Но то, что тамъ носитъ названіе буддизма, имѣетъ столь же мало общаго съ религіей индійскаго вѣроучителя, какъ мало общаго между индусами, среди которыхъ оно зародилось, и китайцами, которымъ оно было проповѣдано. Буддизмъ современный, какъ можетъ убѣдиться читатель, прочтя нашу книгу, представляетъ почти диаметрально противоположность тому, что составляетъ суть ученія, столь поэтично изложеннаго Эдвиномъ Арнольдомъ въ его книгѣ „Свѣтъ Азіи“. Еще далѣе стоитъ современное чернокнижіе священниковъ религіи Тао отъ ученія Лао Цзы, и основатель его, вѣроятно, пришелъ бы въ ужасъ, если бы онъ, вернувшись изъ страны безсмертія, могъ увидѣть, какъ его проповѣди искажены его послѣдователями. Искаженіе ученій основателей великихъ религіи Азіи шло постепенно, мало-по-малу, незамѣтно. Первые послѣдователи, подавленные гипнотизирующимъ вліяніемъ великаго человѣка, почти буквально воспринимали и заучивали его ученіе. Въ исключительныхъ только случаяхъ ученики, не понимая глубины философскаго взгляда учителя, толковали его узко, вызывая поправки и порицанія. Но разъ сошли со сцены первые проповѣдники, мысль послѣдователей начинала работать. Новое ученіе часто стояло въ полномъ разрѣзѣ съ пониманіемъ и міровоззрѣніемъ послѣдователя: его нужно было согласовать, и путемъ для этого былъ компромиссъ, новое произвольное толкованіе.

А такъ какъ такихъ міровоззрѣній существуетъ ровно столько же, сколько и людей, то, очевидно, разъ имъ предоставлялась свобода толкованія своей вѣры, они создавали себѣ столько же вѣръ, сколько и послѣдователей; они реформировали не только ученія, но и самыхъ боговъ, вѣроу въ которыхъ ученіе это подкрѣплялось, создавая, въ полномъ смыслѣ этого слова, боговъ по образу и подобию своему, понимая ихъ со своей узкой человѣческой точкой зрѣнія и навязывая имъ всѣ свои слабости и недостатки.

Классическимъ примѣромъ хода такой эволюціи или, вѣрнѣе, разложенія вѣроученій является Индія, страна безъ господствующей церкви, которая скрѣпляла бы и канонизировала то или другое вѣроученіе.

Мы видимъ, что современный индуизмъ, создавшійся на развалинахъ ведизма, браманизма и буддизма, представляетъ изъ себя рядъ сектъ съ безчисленнымъ количествомъ толковъ и подраздѣ-

деній, искажающихъ основныя идеи, легшія въ основу его ученія, до самыхъ феноменальныхъ уродливостей. Въ средніе вѣка и до нашихъ дней, какъ мыльные пузыри, поднимающіеся у ребенка въ чашкѣ, наполненной мыльной водою, создавались и создаются все новыя и новыя религіозныя ученія, чтобы лопаться какъ пузыри же, превращаясь въ уродливыя искаженія этихъ ученій, постепенно пропадающихъ въ массѣ народнаго суевѣрія, и чтобы возродиться вновь въ болѣе оригинальной, но и столь же непостоянной формѣ, изъ матеріала, когда-то заготовленнаго въ умѣ массы.

Въ Тибетѣ, въ Китаѣ и Японіи на первый взглядъ существуетъ нѣчто вродѣ церквей, подобіе канонизаціи догматовъ, особенно конфуціанства, но эта устойчивость часто кажущаяся.

Ламаизмъ съ его верховнымъ главою въ Хласѣ, какъ показали труды Ведделя, представляетъ чуть ли не большее искаженіе буддизма, чѣмъ не носяція даже имени этого послѣдняго индійскія секты. Здѣсь, въ противоположность христіанству, сама церковь, чтобы быть понятою массою, пошла на компромиссъ, включивъ въ свой пантеонъ не только всѣхъ боговъ, но и большую часть культовъ и суевѣрій своихъ прозелитовъ. Но такъ какъ уровень развитія этихъ послѣднихъ былъ слишкомъ низокъ, чтобы понять ученіе Будды, то они и остались вѣрны своимъ прежнимъ леватамъ, признавъ надъ ними господство Будды, какъ нѣкоего верховнаго существа, подобно тому, какъ подчиненные вассалы, признавая главенство далекаго сюзерена, продолжаютъ болѣе всего бояться власти того, подъ чьимъ непосредственнымъ начальствомъ они находятся.

Личность Будды отождествилась съ Верховнымъ Существомъ, богомъ надъ богами, а за исключеніемъ немногихъ проповѣданныхъ Буддою правилъ по міровоззрѣнію и вѣрѣ, ламаисты являются такими же шаманистами, какими они были до Сакія-Муни, только шаманизмъ этотъ облекся въ болѣе сложныя формулы, получилъ пышный и утонченный ритуаль.

То же самое было и въ Китаѣ, только здѣсь практической и реалистической умъ населенія рѣшилъ вопросъ проще. Въ Китаѣ, а особенно въ Японіи, религія Будды, ученіе Конфуція и древнія вѣрованія отцовъ существуютъ совмѣстно, не мѣшая развитію другъ друга. Зовя на панихиду буддійскаго священника, японецъ одновременно посѣщаетъ свой шинтоискій храмъ и, если представится случай, не откажется прослушать и проповѣдь католическаго священника.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы всѣ эти религіи сохранились въ своемъ чистомъ видѣ. И здѣсь буддизмъ является въ видѣ сектъ, сущность ученія которыхъ, искаженная мѣстными вліяніями, представляетъ діаметральную противоположность тому,

что училъ Будда. Примѣромъ того, какъ далеко ушли въ этомъ направленіи хотя бы японцы, можетъ служить сопоставленіе ученій сектъ хоненъ и ничиренъ съ чистымъ буддизмомъ. Если конфуціанство сохранилось въ большей чистотѣ отъ толкованій, то только потому, что это былъ скорѣе Домострой для китайской жизни, а не религиозное ученіе, потому, что послѣдователи Конфуція, если они только не атеисты, слѣпо вѣрятъ и въ чудеса буддизма, и въ догматы таоистовъ, которые, главнымъ образомъ, и ложатся въ основу ихъ міровоззрѣнія.

Итакъ не будетъ парадоксомъ, если мы скажемъ, что у народовъ далекаго востока Азія тщетно станете вы искать въ чистомъ видѣ тѣхъ ученій, которыя проповѣдывали имъ ихъ великія религиозныя свѣтила, и съ сущюю ученія которыхъ мы знакомимся въ нашихъ курсахъ богословія и религиозной философіи. Тѣ искаженія, въ видѣ которыхъ ученія эти являются въ народныхъ массахъ, далеки отъ того, чтобы дать хотя слабое понятіе объ ихъ основѣ.

Народы, которымъ было проповѣдано слово этихъ мыслителей, были слишкомъ невѣжественны, чтобы оно могло быть воспринято и могло принести свои плоды. Это невѣжество было терніемъ, которое заглушило самую руководящую идею, исказивъ ее до неузнаваемости, и теперь несравненно правильнѣе было бы говорить о религиозномъ пониманіи каждаго отдѣльнаго лица въ частности, чѣмъ о вѣрованіи китайскихъ, японскихъ или индійскихъ буддистовъ, таоистовъ и т. п.

Но міровоззрѣніе невѣжественныхъ массъ, занимающихся земледѣліемъ, каковы интересующіе насъ народы, само есть продуктъ окружающей обстановки и характера ихъ занятій. При общности этихъ послѣднихъ, и міровоззрѣніе болѣе или менѣе одинаково, а одинаковость міровоззрѣнія вліяетъ на то, что и преподаваемое ученіе перерабатывается, такъ сказать, въ одномъ и томъ же направленіи. Вотъ почему, хотя я беру на себя смѣлость утверждать, что ни ученіе Будды, ни ученіе Лао-Цзы или другихъ вѣроучителей не исповѣдуются современными народными массами Азіи, но все-таки можно говорить о буддизмѣ китайскомъ или индійскомъ, о чертахъ вѣрованій, общихъ всѣмъ индусамъ, японцамъ или царсамъ, такъ сказать, о религіи этихъ народовъ, составляющей то, чѣмъ живутъ эти люди и въ чему болѣе или менѣе искусственно прилѣплено то или другое искаженіе древнихъ религій, принятое, какъ господствующая въ той или другой странѣ церковь. Эта религія есть логическій выводъ простолюдина изъ тѣхъ наблюденій окружающей его природы, о свойствахъ которой, за отсутствіемъ научно поставленныхъ опытовъ и широкаго кругозора для сопоставленій, онъ судитъ по сравненію съ самимъ

собою, со свойствами своего организма. Эти свойства, правда, въ большинствѣ случаевъ для него загадочны и непонятны, но онъ ихъ объясняетъ дѣйствиємъ невидимо присутствующаго и оживляющаго его тѣло духа, вліянію того, что мы называемъ душою.

Какъ душа человѣка заставляетъ его двигаться, говорить, думать, дѣйствовать и чувствовать, такъ, по міровоззрѣнію жителя Востока, всякое непонятное явленіе или вліяніе окружающей природы есть воздѣйствіе такихъ же точно невидимыхъ духовъ природы. Это они заставляютъ дерево шелестить листьями, тигра — дѣлать набѣгъ на его добычу, море — волноваться и губить неопытнаго мореплавателя, пропасть — позволять безнаказанно ходить по ея краю или поглощать неосторожнаго путника, солнце — освѣщать землю, тучу — разражаться громомъ и дождемъ и т. д., и т. д.

Тѣло и духъ, хотя при жизни тѣсно связанные между собою, тѣмъ не менѣе могутъ существовать независимо другъ отъ друга. Сонъ есть наглядный случай, когда душа разстается съ тѣломъ и странствуетъ по разнымъ мѣстамъ, испытывая различныя приключенія, воспоминаніемъ о которыхъ является сновидѣніе. Потому-то сновидѣніямъ всѣ народы полукультурные придаютъ громадное значеніе, но нѣкоторыя племена юго-восточной Азии даже боятся переносить съ мѣста на мѣсто спящаго человѣка, дабы душа не заблудилась и не покинула тѣла или, что еще хуже, дабы въ тѣло не вселился какой другой духъ и не причинилъ ему зла. На такое вселеніе въ тѣло постороннихъ духовъ сводятся также объясненія большинства болѣзней и помѣшательства, почему и лѣченіе у первобытныхъ народовъ носитъ столь варварскій характеръ, какъ заклинаніе, адская музыка и приѣмъ внутрь веществъ противнаго вкуса, долженствующихъ изгнать своимъ непріятнымъ сосѣдствомъ вселившагося духа.

Смерть есть окончательная разлука души съ тѣломъ. Душа отлетаетъ отъ него, и у многихъ народовъ, если человѣкъ умираетъ, въ комнатахъ отворяютъ окна или даже дѣлаютъ отверстие въ крышѣ для свободнаго отлета души. И душа эта только въ рѣдкихъ случаяхъ летаргіи возвращается вновь въ тѣло. Она не теряетъ, привязанности къ мѣсту, и духъ невидимо витаетъ еще долгое время надъ могилою. Отсюда — стремленіе спрятать тѣло, похоронить его съ почестями, стараться не разгѣвывать покойника, приносить на могилу пищу для духа, особенно въ извѣстные дни и сроки. Связь умершихъ родителей съ живыми дѣтьми не прерывается и послѣ смерти, точно такъ же, какъ не прерывается она между правителемъ и народомъ. Онъ чтится потомствомъ, и его память боготворится тѣмъ болѣе, чѣмъ больше было его вліяніе и значеніе при жизни. Невидимый духъ его чтится на-

равнѣ съ невидимыми духами природы, и часто для болѣе тѣснаго общенія дѣлается изображеніе умершаго — его идолъ, такъ какъ всѣмъ первобытнымъ народамъ присуща вѣра въ то, что это изображеніе какъ бы притягиваетъ къ себѣ духа, онъ можетъ вліять на него, и обратно, черезъ изображеніе можно вліять на духа; вотъ почему, между прочимъ, многіе народы такъ неохотно позволяютъ себя фотографировать незнакомцамъ. Фетиши дѣлаются и силами природы. Но такъ какъ эти послѣднія, т. е. ихъ духи, часто проявляютъ дѣйствія, отличныя отъ человѣческихъ, то и облигъ ихъ фетишей долженъ быть иной. Отсюда безобразная и неестественная форма большинства истукановъ.

Вотъ народныя вѣрованія первобытной азиатской массы, на фонѣ которыхъ развивались ихъ религіи. Въ Японіи, въ лицѣ такъ называемаго шинтоизма, доселѣ еще играющаго роль государственной религіи страны, мы видимъ эту религію въ чистомъ видѣ. Первый шагъ эволюціи религіи и міровоззрѣнія дикаря Азіи это — религіи гяляка или айна. Здѣсь силы природы: солнце, луна, бури, волненія, горы и долины — суть проявленія или мѣста жительства невидимыхъ духовъ. Эти духи обладаютъ слабостями и вообще свойствами людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сверхъестественными силами. Имъ нѣтъ истукановъ, и если бъ не вліяніе буддизма и заимствованнаго отъ него ритуала, то не было даже и культа, какъ нѣтъ его у гяляка и айна. Есть только благоговѣйное поклоненіе богу, будь оно подъ открытымъ небомъ, какъ это производится пилигримами богу солнца на вершинѣ Фузи-Яма, при его восходѣ, или передъ маленькой закрытой деревянной часовенькой, выстроенной въ дѣсу или на горѣ, среди красотъ природы. Молитва такому богу есть чистосердечная просьба объ исполненіи желанія. Жертва — какой-нибудь крокъ или щепотка табаку — представляетъ обмѣнъ дара, приносимаго отъ души бѣднякомъ за подачку богатаго и всесильнаго духа.

Здѣсь нѣтъ нравственнаго кодекса. Онъ лежитъ въ человѣкѣ. Человѣкъ рождается безпорочнымъ. Всѣ нечистыя теченія, всѣ злыя дѣянія создаются со временемъ. Они дѣлаются противъ голоса совѣсти, которая есть единственный руководитель человѣка. Слушая ее, онъ останется чистъ какъ ребенокъ, и этимъ исполнитъ свое назначеніе. Суть религіи составляютъ легенды, преданія и хвалебныя гимны богамъ. Число послѣднихъ громадно, такъ какъ въ немъ принадлежатъ не только обоготворенныя силы природы и духи-покровители разныхъ мѣстностей, но и души умершихъ героевъ. Эти-то боги и становятся мѣстными патронами и о нихъ-то создаются главныя легенды, исполненныя чудесныхъ и нравоучительныхъ похожденій, составляющія примѣръ для потомства и

предметъ удивленія взрослыхъ. Наконецъ, микадо, прямой потомокъ боговъ, есть какъ бы земной богъ, которому еще недавно воздавались почти божескія почести. Вѣрность микадо есть вѣрность богу, и отсюда шинтоизмъ — государственная религія Японіи, зеркало, эмблема богини Аматеразу, завѣщанная ею своему внуку первому микадо, — святыня, изображеніе которой вы найдете и въ каждомъ храмѣ. Если теперь читатель сравнить суть религіи древнихъ Ведъ съ тѣмъ, что сказано о религіи японцевъ, то онъ убѣдится, что вѣрованія древнихъ аріюцевъ мало отличались отъ только что описанныхъ. Но, спустившись въ жаркую Индію, онъ достигли, такъ сказать, большей ширины и полноты міровоззрѣніи.

Наблюденіе окружающей природы, доступное каждому, показываетъ, что въ ней бранны одни только формы матеріи, создающая же и одухотворяющая ихъ сила вѣчна. Срубленная пальма гибнетъ; но на мѣсто ея гдѣ-нибудь вырастаетъ другая такая же. Мы убиваемъ тигра, данный индивидъ пропадаетъ, но вмѣстѣ съ нимъ являются другіе тигры. И въ томъ, и въ этомъ случаѣ исчезаютъ виды, но родъ сохраняется. Духъ умершей пальмы и умершаго тигра не пропадаетъ: онъ вселяется въ слѣдующаго новаго. И нѣтъ надобности, чтобы онъ вселился именно въ тигра. Мы видимъ животныхъ, нравами, обликомъ, тою или другою чертою характера похожихъ на человека, и, наоборотъ, — людей, фізіономіи которыхъ есть что-то лошадиное, собачье, свиное. Одни питаютъ глубокое отвращеніе къ жукамъ, тогда какъ другіе срываютъ ихъ руками. Одни безгранично боятся гусеницъ, другіе змѣи, третьи мышей, четвертые боятся плавать по водѣ.

Для полукультурнаго сына природы, это — несомнѣнная доказательства прежняго воплощенія, прежней жизни, впечатлѣніе которой передается въ послѣдующую. Отсюда — общее всей южной и восточной Азіи вѣрованіе въ переселеніе душъ. Только временно существуетъ душа въ видѣ безплотнаго существа, она вновь и вновь возвращается на землю, пробѣгая безконечный циклъ формъ воплощеній.

Эти формы и ихъ дѣйствія — лишь иллюзія, злая потѣха. Маги какъ говорятъ индусы, но увлеченіе ими имѣетъ роковой характеръ: оно привязываетъ къ жизни, производитъ болѣзнь, смерть и лишеніе любимаго, дорогого, является источникомъ страданій вмѣстѣ съ тѣмъ причиною къ возвращенію вновь и вновь къ жизни въ различныхъ населяющихъ землю формахъ.

Справедливость удовлетворяется лишь отчасти воплощеніемъ существъ совершенныхъ въ тѣла счастливыхъ и высокоорганизованныхъ существъ, тогда какъ люди грѣшные принуждены воплощаться въ видѣ тварей презрѣнныхъ. Но страдаютъ и не лишены по

ковъ всѣ, даже сами боги, составляющіе, такъ сказать, высшую инстанцію для воплощенія духовъ. Эти боги остаются тѣми же силами природы, и безъ общенія съ ними земледѣлецъ не можетъ обойтись, такъ какъ жизнь его и богатство зависятъ отъ такихъ только случайныхъ и необъяснимыхъ для него причинъ, какъ несвоевременно выпавшій дождь, поразившая складъ хлѣба молнія и т. п. Поэтому онъ долженъ постоянно трепетать передъ богами, которые завѣдуютъ стихіями, и молиться имъ. Но, въ религіи индусовъ, какъ и въ религіи китайцевъ, изъ всѣхъ этихъ *dii minores et majores*, два главныхъ фактора земледѣльческой жизни: небо съ его живительною силой, солнцемъ и свѣтомъ и земля съ ея производительною рождающею силой стоятъ на первомъ мѣстѣ. Въ естественной религіи народовъ востока Азіи они остаются и оставались главными и высшими благами. Для Индіи, въ эпоху браминизма, мы опять видимъ господство культовъ солнца и огня — Агни, Варуны — неба, а позже Вишну, существа, поддерживающаго и обновляющаго жизнь. Но вмѣсто земли главнымъ богомъ здѣсь является время; это сила, болѣе отвлеченная, въ вѣдѣніи которой находится рожденіе и смерть, гибель и созиданіе, сила страшная, непостижимая и неумолимая. Въ этой отвлеченной формѣ олицетвореніе его, богъ Сива, былъ доступенъ лишь философскіи развитымъ умамъ — но его проявленіе: созидающія, рождающія силы земли и сила смерти, страшная и неумолимая, были главными предметами почитанія, какъ образованныхъ браминовъ, такъ и темной чернокожей массы полудикахъ, принявшихъ индуизмъ народовъ Индостана. Изображеніе мужского полового органа, т. наз. *лима*, вы найдете во всякомъ Сиваитскомъ храмѣ; ему воздаются почести, какъ эмблемѣ этой созидающей силы Сявы, и эти фаллическія изображенія были свойственны не однимъ индійскимъ культамъ. Еще недавно сотнями возвышались они въ храмахъ Японіи, пока правительство не нашло нужнымъ ихъ убрать, какъ оскорбляющіи чувство цѣломудрія. Точно такъ же культъ кровожадной богини смерти и разрушенія — Кали, несмотря на вѣру въ переселеніе душъ и проповѣдь Будды, направленную противъ кровавыхъ жертвъ, до сихъ поръ господствуетъ въ Индіи, и ежегодно десятки тысячъ животныхъ, а еще недавно и человѣческія существа, приносились ей въ жертву.

Какъ эти два главныхъ бога Индіи, такъ и воплощеніе Вишну — Кришна, или еще пользующіеся почетомъ боги рѣкъ, дождя и горъ, соотвѣтственно разному уровню развитія, а потому и подчиненію силамъ природы, въ Индіи носятъ еще фантастическій характеръ. Въ Китаѣ, гдѣ народъ жилъ давно уже скученно, гдѣ, за исключеніемъ засухъ и наводненій, ему меньше приходилось имѣть дѣло

съ грозными явлениями природы, боги приняли уже совершенно человѣкоподобный характеръ. Міръ живущихъ и міръ мертвыхъ составляютъ какъ бы одно государство, при чемъ души временно переселяются изъ одного существа въ другое. Культъ предковъ, высоко развитый въ Китаѣ, сдѣлалъ то, что души ихъ въ пантеонѣ получили первенствующее передъ стихіями вліяніе, и начальниками надъ стихіями въ большинствѣ случаевъ являются души давно умершихъ героевъ.

Если Китай самъ по себѣ есть царство чиновниковъ, то и загробный міръ есть такъ же точно бюрократическое царство съ судьями, губернаторами, наградами, производствами въ слѣдующій чинъ и т. д.

Въ загробномъ мірѣ души дѣлаются такими же чиновниками, какъ и въ этомъ, — ихъ можно такъ же подкупить, какъ подкупны мандарины, и за дурную службу ихъ ссылаютъ или, вѣрнѣе, вселяютъ въ тѣла людей и животныхъ, въ шкурѣ которыхъ въ этой жизни согрѣшавшій не пожелалъ бы быть. Нѣтъ религіи, въ которой представленія о загробномъ мірѣ боговъ были бы такъ прозаичны, какъ у этого самаго прозаичнаго изъ народовъ, боги котораго лучшею изъ жертвъ считаютъ деньги, которыя въ видѣ бумажекъ ежедневно милліонами приносятся имъ въ жертву.

За добрыя и злыя дѣла человѣкъ, по китайскому міровоззрѣнію, получаетъ возмездіе уже въ этомъ мірѣ; вѣдающій его формуляромъ чиновникъ только подводитъ итоги этимъ дѣламъ, а одинъ изъ судей опредѣляетъ его мѣсто. Онъ продолжаетъ сноситься со своею семьей, и если его духъ не получаетъ отъ нея надлежащаго ухода, то можетъ наказывать ее черезъ посредство духовъ высшей инстанціи. Но послѣднихъ смертные могутъ умиловить дарами, приносимыми въ храмы, имъ воздвигнутые; такъ и подкупаютъ ихъ чиновники, если на нихъ жалуются старшіе въ родѣ. Связь между міромъ живыхъ и мертвыхъ такъ велика, что боги загробнаго міра до извѣстной степени подвѣдомственны наивысшему чиновнику изъ міра живущихъ — китайскому императору. Отъ него зависитъ возвысить чиномъ того или другого бога и дать для него культъ болѣе или менѣ почетный, чѣмъ при его предшественникѣ. Далѣе этого по пути матеріализаціи духовъ идти нельзя, и мы дѣйствительно видимъ, что образованные классы Китая заражены невѣріемъ, хотя было бы ошибочно думать, что процентъ настоящихъ матеріалистовъ великъ въ средѣ китайской бюрократіи. Большая часть чиновниковъ, не исключая и извѣстнаго всему міру Ли-хунчанга, способны придавать значеніе самымъ невѣроятнымъ съ нашей точки зрѣнія суевѣріямъ.

Такова была и есть та почва, на которую сѣялись слова великихъ вѣроучителей Азій.

Какъ ни высоко и ни возвышенно было ихъ ученіе, оно лицомъ къ лицу становилось съ этимъ міровоззрѣніемъ массъ и тѣми логическими выводами, которые изъ него вытекали: зависимою чело-вѣка отъ духовъ загробнаго міра, вліяніемъ ихъ на его судьбу, необходимою обращаться къ нимъ за помощью лично или черезъ посредство жрецовъ, сверхъестественною силой этихъ послѣднихъ.

Напрасно Конфуцій отказывался говорить о загробномъ мірѣ, Будда училъ о бренности земного счастья и высшемъ благѣ небытія, Лао Цзы о счастьѣ, любви къ ближнему и кротости, -- всѣ эти ученія приурочивались къ основному міровоззрѣнію массы и понимались ею постольку, поскольку они ему не противорѣчили. Что жъ удивительнаго, что изъ всей книги Тао-те-кингъ масса обратила вниманіе лишь на нѣсколько темныхъ мѣстъ, которыя она истолковала въ смыслѣ возможности безсмертія на землѣ, добыванія философскаго камня и т. п., создавъ изъ таоистическаго священника чернокнижника, составителя гороскоповъ и полный аналогъ западнаго средневѣкового алхимика на Востока. Изъ ученія Будды о Нирванѣ получило ученіе о переселеніи душъ за грѣхи въ адъ и за добрыя дѣла въ рай, гдѣ царитъ Амиитабга-Будда и гдѣ блаженство праведника расписано такими красками, послѣ которыхъ блѣднымъ покажется даже рай Магомета. Ученіе объ отреченіи отъ всего земного и отъ жизни создало въ Тибетѣ громадные монастыри, гдѣ ничего не дѣлающіе монахи пожираютъ добрую половину доходовъ мірянъ или, какъ въ Китаѣ, предаются всѣмъ формамъ скрытаго разврата.

Я не буду перечислять здѣсь всѣхъ другихъ формъ искаженія религиозныхъ ученій, излагаемыхъ въ этой книгѣ. Онѣ, какъ увидитъ самъ читатель, настолько значительны, что, въ большинствѣ случаевъ, отъ самаго ученія остается только тѣнь или даже нѣчто совершенно противоположное, какъ напр. въ религіи сикховъ, съ особенною силой ратовавшей противъ идолопоклонства и приведшей къ поклоненію и возданію божескихъ почестей той книгѣ, гдѣ говорится противъ идолопоклонства, или, какъ въ религіи джайновъ, — статуямъ проповѣдниковъ.

Поэтому невольно приходится задать вопросъ, что же сдѣлали для челоуѣчества эти великія свѣтила мысли и чувства, имена которыхъ чтутъ тысячи ихъ послѣдователей, если слова ихъ истолкованы по-своему, основныя идеи искажены до неузнаваемости? Стало ли челоуѣчество дѣйствительно добрѣе, гуманнѣе, лучше подѣ вліяніемъ ихъ проповѣди? И, кажется, что и къ ихъ ученіямъ съ одинаковою справедливою можно будетъ примѣнить слова, что много было званныхъ, но мало избранныхъ.

Правда, мы, сыны христіанскаго Запада, когда попадаемъ на

буддйскій Востокъ, мы впервые, въ особенности, бываемъ поражены мягкостью манеръ и если не человѣколюбіемъ, то во всякомъ случаѣ скотололюбіемъ азіатца.

Но всмотритесь внимательнѣе — и вы увидите, что эта вѣжливость обращенія есть слѣдствіе древней культуры, съ давнихъ поръ установившей внѣшнія правила общежитія, устраняющія непріятнаго свойства тернія между людьми. Подъ нимъ уже скрываются все тѣ же жестокость и безсердечіе. Снимите внѣшнюю маску — и вы подѣнею увидите звѣря-человѣка, ни чуть не лучшаго, чѣмъ всѣ другіе. Отвращеніе къ мясу вызвано скорѣе его дороговизною, невозможностью имѣть его подъ рукою или даже просто непривычкою выработавшеюся при хозяйствѣ, основанномъ на растеніеводствѣ безъ помощи животнаго. Японцы не употребляютъ даже и молока или коровьяго масла, между тѣмъ какъ этого рода продукты не принуждаютъ ихъ къ убійству. Между тѣмъ, среди китайцевъ въ зачатую находите страстныхъ охотниковъ, а въ обращеніи съ животными народы Востока далеко не всегда такъ мягки и деликатны, какъ то принято думать. Сыновнее почтеніе у китайцевъ и ихъ уваженіе къ старшимъ, извѣстное всему міру, приписывается вліянію Конфуція. Но не нужно забывать, что оно ложится въ основу всего китайскаго міровоззрѣнія. Если духъ предка нуждается въ уходѣ потомка, надо сдѣлать такъ, чтобы потомокъ этотъ чтилъ предка, чтобы отецъ не оставался бездѣтнымъ и по смерти пользовался бы затѣмъ культомъ. Потому имѣть дѣтей — это *conditio sine qua non* жизни китайца. Если онъ не въ силахъ ихъ произвести, онъ беретъ пріемныхъ и воспитываетъ, внушая сыновнія обязанности. Философія или, если хотите, религія Конфуція была лишь систематизаціей этихъ народныхъ правилъ; она сыграла же самую роль, что Домострой Сильвестра для жизни допетровской Руси, и онъ былъ такимъ же выразителемъ народнаго духа китайцевъ, какимъ является Бисмаркъ для нѣмцевъ.

Такимъ же образомъ можно развить и другія стороны кажушагося вліянія религіозныхъ ученій Востока на его жителей. Если вліяніе этихъ религій гдѣ и выразилось, то только во внѣшнемъ культѣ. Храмы съ тѣмъ или другимъ характеромъ богослуженія играютъ видную роль, производя сильное впечатлѣніе на пріѣзжающаго. Гдѣ господствуетъ буддизмъ, вездѣ вы встрѣтитесь съ громаднымъ изображеніями вѣроучителя. Повидимому, стопа Будды на вершинѣ Адамова пика на Цейлонѣ дала идею изображать великаго учителя статуями, размѣры которыхъ были бы пропорціональны величинѣ стопы. Отсюда испанской величинны истуканы Будды лежащія и сидящія, разбросаны въ пещерныхъ храмахъ Цейлона. А такъ какъ стремленіе изображать великихъ людей громаднымъ